

В. Б. Колосова

ЧЕРТОПОЛОХ

*Скажите, кто б решиться мог
Внести в свой стих Чертополох!*

Тетрадь любви. Сочинение, необходимое для всякого,
желающего иметь успех между прекрасным полом

В народном языке *чертополох* — это скорее не название конкретного вида или хотя бы рода растений, а общее имя для целой группы колючих сорняков. Принадлежат они к разным родам и семействам, но, в силу своего внешнего сходства, помимо фитонима *чертополох* имеют еще целый ряд общих названий: *будяк, волчец, дедовник, лопух, мордвин, осот, репей (репейник), татарин*. В статье они будут рассмотрены в связи с комплексом представлений об этих растениях.

Относятся они к большому числу родов: *Agrimonia, Arctium, Carduus, Carlina, Cirsium, Sonchus, Echinops, Eryngium, Inula, Phlomis, Onopordon, Xanthlum* (Залесова, Петровская 1901, 4: 1037–1038). Чтобы не усложнять анализ, здесь в основном будут рассмотрены материалы, относящиеся лишь к родам *Arctium, Carduus* и *Cirsium*. Это оправдано с точки зрения количественного соотношения народных фитонимов к этим растениям, так как, по данным В. А. Меркуловой, из перечисленных выше девяти фитонимов к родам *Carduus* и *Cirsium*, например, относятся все девять, к роду *Arctium* — шесть, а к родам *Sonchus* и *Agrimonia* — два и один соответственно (Меркулова 1967: 93).

Колючий, ни к чему не годный сорняк лишь кровавил руки людей и засорял хлебные поля: «То је јако лоша трава... не дај боже руком голом уватити, све руке избости... Пуно жито ти главица» (Шпис-Ћулум 1995: 456). Он и отношение к себе имел соответствующее. Так, в пословице: «Высок репей, да черт ему рад! Велик мордвин (*или: татарин, т. е. репейник*), да черт ли в нем?» (Даль 1997, 2: 42). Его не ела даже скотина (кроме ослов), поэтому в Воеводине татарник колючий *Onopordon acanthium* L. получил название *магареџији трн, магареџа бода, магареџа боца* (сербохорв. *магарац* ‘осел’): «... ми смо чували овце, па магарац оде, па то нико не једе, а он одгризе, онда су га по том назвали магареџији трн».

О любознательном человеке говорят: «Шта си зино, ко магарац на чкальеве!» (Шпис-Гулум 1995: 413, 464).

Основная отличительная черта этих растений — колючки на листьях, стеблях и плодах — отражена уже в их названиях. Семантическая модель ‘острый; колоть’ → ‘название растения’ реализуется во всех трех группах славянских языков, причем в разных лексемах.

Только по русским говорам количество фитонимов, образованных с помощью различных суффиксов от глагола *колоть*, весьма внушительно: *колун* (Костр.), *колюха*, *колюшка*, *колюшник* (Арх., Олон.), *колюшки* (Волог.), *колкуша* (Новг.), *колотуха*, *колетуха*, *колетушка* (Олон.), *колючки*, *колючник*. Хотя из инославянских языков этот корень отмечен только в украинском (*kolkovnyk*, *kolučka*, *kolučnik*) и в чешском (*kolka*) (Анненков 1876: 185; Потанин 1899: 233; Меркулова 1967: 95; Даль 1989, 2: 142, 346), однако та же модель ‘нечто острое; колоть’ → ‘название растения’ реализуется с помощью других лексем: *серп трава*, *серпний*, *серпуха*; сербохорв. *sjeķavaц*, *sjeķaviца*, *sjeķavaц*; словен. *drač* (от **drati*) (Анненков 1876: 84, 99–100; Меркулова 1967: 99).

Даже если эта семантическая связь не очевидна носителям современных славянских языков, ее можно проследить при помощи этимологии. Так, фитоним *осот* имеет общеславянское распространение (укр. *осот*, блр. *осот*, болг. *осѣт*, словен. *ósēt*, чеш. *oset*, польск. *oset*), восходит через праслав. **osъtь* к индоевропейскому корню **aḱ-* ‘острый’ и родственным словам *острый*, *ость*, *оселок* (Меркулова 1967: 93). Еще одно общеславянское название колючих сорных растений — *бодяк* или *будяк* ‘*Carduus*, *Cirsium*’ (укр. *bodak*, *bod’ak*, *bodlak*, *bud’ak*, сербохорв. *badelj*, *badalj*, *bodljača*, словен. *bodak*, чеш. *bodlak*, словц. *bodliak*, польск. *bodiak*, *bodziak*) — образовано от праслав. **bosti* ‘бодать, колоть’ (Там же: 94–95). В загадках подчеркнуты те же свойства растения: «Цвітки ангольскіі, а кіхіті диявольськіі» и «Стоить колихаетьця, красною головою величаетьця, лежачи бодаетьця» (Будяк) (Чубинский 1877, 1 [2]: 305).

Неудивительно, что такой вредный сорняк считался принадлежащим нечистому. Белорусская легенда говорит, что Бог вначале дал черту в пищу овес; однако апостол Павел, решив отобрать его в пользу скотины, напугал черта так, что он забыл слово *овес*, а взамен подсказал ему слово *осот*. И по сей день черт сеет осот, а овес остался человеку и домашним животным (Чубинский 1872, 1 [1]: 81). Негативное отношение, как известно, нередко воплощается в использовании названий, образованных от определенных этнонимов и зоонимов, также имеющих негативные коннотации. Что касается названий для рассматриваемых в статье растений, они группируются в целый ряд фитонимов: *татарин*, *татарка*, *татарник*, *мордвин*, *мордвинник*, *мордовник*, *жидовское кресло* (Волог.), *бусурманская трава* (Симб.), *собака*, *собачка* (Яросл., Твер.), *волчец* (*волчок*, *волчняк*, *волчевник*), характерных, однако, только для восточнославянской территории, за исключением модели ‘животное’ → ‘название растения’: сер-

бохорв. *вучјак* ‘*Carduus*’, чеш. *vľky* ‘*Lappa*’ (Залесова, Петровская 1901, 4: 1037–1038; Меркулова 1967: 98; СРНГ 1979, 15: 223; Даль 1989, 1: 53, 106; Даль 1991, 4: 251). Близки к этой группе сложные фитонимы типа сербохорв. *вражји стриц*, *пасји стриц* (Бјелетић 1996: 94).

На ниве такие растения, естественно, старались известить, в том числе и магическими способами. В Косове вечером накануне Рождества *чкаль* ‘татарник колючий *Oporodon asanthium*’ разбрасывали по соломе, а потом бросали его в огонь, чтобы и в поле он исчез. В Моравии на пшеничных полях, где росла *паламида* ‘серпуха *Cirsium arvense*’, в первый день Рождества закапывали фасоль от ужина сочельника и при этом говорили: «Когда прорастет эта фасоль, тогда пусть прорастет серпуха». Если в какое-либо дерево ударяла молния, то от него отрубали щепку и клали в грядиль плуга, чтобы не росла серпуха (Чайкановић 1985: 248, 306).

Плоды репейника не только колются, но и прилипают к одежде людей или шкуре животных. И это их свойство также отражено в народной фитонимии. Образования от корня *леп-/лип-* довольно многочисленны и разнообразны: *лепельник*, *лепилки*, *лепильник* (Твер.), *лепушка*, *лепушки*, *лепушник* (Новг., Череп.), укр. *лупук*, чеш. *lepik* (Меркулова 1967: 95–96; Даль 1989, 2: 248). С точки зрения этимологии образования от корня **rěp-* ‘хватать, цеплять’ — *репей*, *репейник*, *репях*, укр. *репник*, *реп’ях*, болг. *репей*, сербохорв. *репух*, словен. *repjè*, чеш. *řepík*, словц. *repík*, польск. *rzep*, *rzepień*, *rzepik* — отражают то же свойство. Отсюда же, например, словац. *repit’sa*, пол. диал. *wrzepić się* ‘вцепиться, ухватиться’ (Меркулова 1967: 94; Machek 1971: 530).

Бытовое, повседневное использование репейника тоже основано на его способности цепляться за все подряд: им затыкали мышинные норки в хате, чтобы не лазили мыши (ЕУ—черновиц—2000¹); плоды репейника набивали детям в волосы в качестве наказания за невыполненную работу: «Як дитина забувала файно розчесати коровку і зав’язати їй машку (стрічку) коло хвоста, то мамка їй клала у чуприк (волосся) реп’яків, би вона тоте скубала, вибирала» (Маковії 1993: 20). Да и сейчас дети не прочь швырнуть в обидчика липучим шариком, который потом долго приходится выпутывать, а то и выстригать из волос.

В традиционной культуре свойство плодов репейника и листьев чертополоха цепляться к шкуре животных и одежде людей обусловило их использование в симпатической магии — чтобы подействовала какая-либо связь. Так, в Сербии сват, отправляясь в дом к девушке, хватался сначала руками за репейник, «чтобы так же и начатое дело принялось»; сваты бросали репейник на парня, «чтобы девушка к нему прилепилась». Чтобы ребенок любил труд, собирали репы, которые набрались на его одежде и обуви, и оставляли в квашне, чтобы они пролежали ночь с каким-либо материалом для работы (кудель, шерсть для вязания и др.); при этом три раза говорили: «Как репей прилепился к этому, так бы прилепились и руки моего ребенка» (Чайкановић 1985: 247)².

Широко распространены как для репейника, так и для чертополоха названия, образованные от корня *lor- (со значениями ‘быть плоским; ладонь; ступня; лопата; весло’): *лопуха, лопушник (лапух, лапуха, лапушник)*, укр. *лопух*, блр. *лопух*, болг. *лорѝџ, лориј, лороџ*, сербохорв. *лапух, лопух, лопушина*, чеш. *loriř, lorín*, словац. *lorířch*, польск. *łarian, łorian, łoruch* (Анненков 1876: 184–185; Меркулова 1967: 34; Даль 1989, 2: 238). Названия этой группы отражают еще один отличительный признак растений рассматриваемой группы — широкие листья³. Видимо, на этом же признаке основана и защитная семантика этих растений. Так, эту траву вместе с полынью клали в день святого Иоанна под стрехи домов в Польше и в России (в России еще и на Зеленые святки) (Mogawski 1884: 22). Ср. также: «Кто хочет воровать ночью, чтобы даже и собаки не лаяли, то надобно носить лопушек с собою» (Терещенко 1848: 93). Листья лопуха в детской игре в Воеводине служат защитой от дождя и называются поэтому *амбреди*: «Па да, што је широко лишће, па амбреди» (Шпис-Ђулум 1995: 425, 437).

Исследователи уделили большое внимание различным образованиям от корня *ded-*: *дед, дедовник, дедовина, дедки*, укр. *did, d'adok, didovnyk*, блр. *дзед*, сербохорв. *дед, дјед, дед*, польск. диал. *dziady*, словен. *dèd*. Фасмер объяснял название *дедок* ‘лопух, репейник’ так: «...из-за колючек, которые напоминают небритую бороду старика» (Фасмер 1996, 1: 494). Не ограничиваясь простой связью ‘внешний вид’ → ‘название растения’, А. Н. Афанасьев пытался объяснить название *дедовник* как «травя, посвященная Деду-Перуну» (Афанасьев 1868, 2: 415). Г. Н. Потанин полагал, что этот фитоним отражает патриархальную организацию семьи и единоличное управление старика своими уже взрослыми потомками: «Такое деспотическое воспитание оставило по себе память в народном названии растения “дедовник” *Cirsium*, которое своими колючками кровавит руки жнецов и которое также называется татарником, мордовником и царем» (Потанин 1899: 170–171). Однако более обоснованной представляется точка зрения, которая связывает этот и подобные ему фитонимы с культом умерших предков. Некоторые рефлексy праслав. **dedь* в славянских языках имеют значения ‘предок’, ‘домовой дух’, ‘поминки, поминовение усопших’ (ЭССЯ 1977, 4: 227–228; Słownik... 1979, 3: 121–122). По некоторым данным, «лопух или репейник называли *дедом* потому, что существовал обычай ставить символ доброго духа — сноп этого колючего растения у ворот или дверей избы, хлева, чтобы отогнать чужих, враждебных духов, нечистую силу...» (Лукинова 1986: 123).

Были попытки отнести к фитонимам, образованным от терминов родства, сербохорв. *stric, stričnjak* (от сербохорв. *стриц* ‘дядя по отцовской линии’) (Šimundić 1978: 297). Однако существует и другое мнение, согласно которому сербохорв. *стриц* образовалось из праслав. **ostricь* путем отпадения начального гласного (Бжелетић 1996: 94), и, таким образом, эти фитонимы могут быть отнесены к модели ‘нечто острое’ → ‘название ра-

стения'. Эта точка зрения может быть подтверждена и другими примерами: так, отмечено существование таких форм, как *арепей* (Майков 1994: 76), *арепьи*, *арепешник* (Анненков 1876: 185), *орепейник* (Там же: 100).

Фитоним *чертополох* (укр. *чортполох*, ст.-польск. *czartopłoch*) уже сам по себе отражает те народные представления, которые связаны с растениями, им обозначенными. Эта семантическая модель, как и рассмотренные выше, реализуется на различном лексическом материале, например: *чертогон* (Потанин 1899: 191), *чертопугальник* (Анненков 1876: 137). Учитывая, что среди диалектных названий черта встречается слово *шиш*, представляется верным предположение В. А. Меркуловой о том, что сюда же можно отнести фитонимы *шишебарник*, *шишибара*, *шишобар* (Анненков 1876: 84, 185; Меркулова 1967: 96–97).

В полном соответствии с названием, чертополох использовали для отпугивания черта и другой нечистой силы. Выше уже говорилось, что сноп репейника ставили у избы, чтобы отогнать злых духов. В Воронежской губернии знахарки применяли чертополох (называя этим именем растение *Elyngium planum* L.) «от шутов и от нечистого, когда овладеет человеком»; его клали «в углы избы или под подушку...» (Тарачков 1861: 238–239). Г. Н. Потанин сообщал, что чертогон крестьяне клали «над дверями, где часто ходят: например, при входе в избу, подобно тому как кладут тут косу или деготь в бутылке или просто мажут двери дегтем — будто это предохраняет от поветрий» (Потанин 1899: 191). Человек может спастись от черта, бросая в него «цепкими шишками этого растения» (Афанасьев 1869, 3: 804). В сказке похищенная чертом женщина прячется от него в чертополох, куда черт не смеет последовать за ней: «...там трава чертополох, я ее боюсь» (Сказки... 1970: 69).

Произнесение заговора «от огненного змея» сопровождалось вытканием «в порог и во все щели избы» *мордвинника* (Майков 1994: 162). Его способность оградить женщину от посещений змея сохранила и сказка: к молодой женщине, которая убивалась по мужу-рекруту, стал летать огненный змей. Этот змей посоветовал ей мыть заболевшую корову настоем *дедовника* (*чертополоха*). Он же сказал, что этого растения боится вся нечистая сила. Корову женщина вылечила, но и от змея избавилась, окропив тем же настоем все внутри избы. Змей навсегда оставил ее. С тех пор пучки дедовника держат во всех дворовых постройках (Ляметри 1862: 35).

Чтобы спастись от нечистой силы, использовали и подкуривание чертополохом: вечером 5 февраля (по старому стилю) «закрывают трубы крепко-накрепко, замазывают глиною, на загнетках покуривают чертополохом; никто не спит ночью, от малого до большого. И все эти хлопоты для того, что будто в этот день вылетают из ада нечистые духи в виде птиц и заглядывают в трубы» (Сахаров 1885а: 23).

Если судить по этнографическим данным, то в прошлом чертополох считался оберегом универсальным: «Старушки говорят, что он и врачует

болезни, и утоляет девичьи зазнобы, и отгоняет бесов, и сохраняет в целости домашний скот. <...> С незапамятных времен ведется поверие, что если кто хочет быть цел в дороге, тот запасайся для этого вошанками, в которых сварен был чертополох. <...> чертополох предварительно кладется на семь дней и ночей под подушку. Его не должен никто ни видеть, ни трогать. На восьмую ночь, последнюю на святках, приносят чертополох к старушке-переходнице. Она варит его, с особенными обрядами, с воском и ладаном. Вываренная вошанка зашивается в ладонку» (Сахаров 1885а: 10).

Поверье о способности репейника отгонять колдунов сохранилось до наших дней. Летом 2000 года в деревне Телицино Гдовского района Псковской области был записан обычай класть на Иванов день перед двором («где корова заходит, где что... ну где двор и все») двенадцать стеблей «колкучей травы». Информант не смог вспомнить название, но назвал все актуальные признаки — «ну колкучая-то такая... высока такая» — и цель — «чтобы колдун не зашел» (ЕУ—гдов—2000).

Вернемся к врачеванию болезней. Для народной медицины нехарактерно четкое соответствие лекарственных средств определенным болезням, и даже может сложиться впечатление, что почти любое растение используется от всех болезней подряд. Что касается чертополоха, то среди действительно большого разнообразия⁴ можно выделить несколько определенных целей, в которых используют репейник и чертополох. В Белоруссии для излечения «от колотья» в боках и груди больного рекомендовалось «поить и обмывать его грудь, бока и спину отваром из девяти колючих растений: крыжовника, розы, “дядовника” и проч». (Никифоровский 1897: 270, № 2106). В Краковском крае лопух использовали от коллик, так как считалось, что в лопухи упала отсеченная голова святого Иоанна (по другому поверью, Богородица использовала это растение, чтобы голова снова приросла) (Mogawski 1884: 22). Лопухом лечили колики также в Казанской и Гродненской губерниях (Анненков 1876: 100). В данном случае как бы «клин клином выбивают», пытаются воздействовать на подобное — подобным, и колотье изгоняется колючими растениями. Однако с их помощью считалось возможным вылечить и другие болезни.

Другая цель — лечение от испуга (переполоха) и черной болезни (Тарачков 1861: 238—239; Чубинский 1872, 1 [1]: 80). Как видно, и здесь название растения переключается с целью его применения, точнее, с недугом, который оно призвано излечить: *чертополох* — *переполох*. Как именно использовалось растение, указывается не всегда, но особенно многочисленны сведения об окуривании больного чертополохом: «На Украине он еще называется *страхолох*, и семенами его подкуривают от испуга» (Франко 1898: 169); «окуривают детей от испуга» (Анненков 1876: 100); при испуге ребенка подкуривали коптящимся чертополохом и у семейских Забайкалья, чтобы выгнать из него злых духов (Болонев

1978: 98). Подобные свидетельства можно записать и сейчас: «...рвати с земли его, коли зацвите и уже буде мати плоды, тоды зрывать его, и высушивати, и класти, ну... на таку стару сковородку, добро хоть листья, хоть той, что где буде цветок, класти на старую сковородку, класти угля, жар... с плиты возьми жару, и там поклади того, и зверху клади ребенка, и укрывай, ну... чем-то-нибудь, чтобы вин курил... пидкуривался» (ЕУ—черновиц—99). Впрочем, «от перепуга» детей могли и купать (Анненков 1876: 99), а во время припадка «падучей немочи» больного просто били чертополохом (Герасимов 1898: 173; Познанский 1995: 143).

Последняя крупная группа болезней, при которых считали полезными рассматриваемые растения, — заболевания волос и кожи головы. В окрестностях Тарнова отвар корней лопуха использовали «для усиления и буйного роста волос» (Morawski 1884: 22), как и в Воронежской губернии (Тарачков 1861: 238). В Калужской губернии лопухом «моют голову, когда лезут волосы», а в Орловской губернии «от подволосных шолудей» использовали и лопух, и чертополох (Анненков 1876: 185).

В народной ветеринарии чертополох занимает гораздо более узкую нишу: практически единственная его задача — выгнать червей из загноившихся ран домашних животных⁵. Описаний соответствующего обряда довольно много, и, несмотря на большой географический разброс сведений, структура обрядовых действий и тексты сопутствующих заговоров удивительно схожи.

Вот наиболее подробная запись ритуальных действий: «Заговорщик идет в поле, отыскивает траву или куст мордвинника или будак (*Carduus Snicus*), заходит к нему так, чтобы тень на него не падала, говорит “ты трава, богом создана, имя тебе мордвинник, выведи червей из пегой (серой, бурой, черной) яловки или коровы такого-то. Коли выведешь отпущу, а не выведешь изжenu” или “тогда тебе подняться, когда у гнедой кобылы такого-то черви из бока (уха) вывалятся”». После этого верхушку растения привязывают к колышку, который втыкают в землю, или просто подтыкают под соседнюю траву. Это называется *заламывать траву*. Если черви пропадают, знахарь отпускает куст (иногда при этом приговаривая: «Ты мне отслужила, я тебе отслужу»); если этого не сделать, в другой раз трава не послушается. Если же средство не помогло — отпускать мордвинник не следует в наказание за непослушание. Однако, если хозяин уже пытался вывести червей дегтем, скипидаром или какими-либо другими домашними средствами, знахарь наотрез отказывался лечить скотину (Даль 1880: 39–40). Последнее замечание интересно сравнить с уже упомянутым использованием дегтя в функции оберега. Вероятно, нежелание знахарей повторно применять магическое средство можно сопоставить с негативной ролью второго удара в сказках.

Червей из скотины с помощью чертополоха помимо русских (см. также: Терещенко 1848, 5: 93; Сахаров 1885б: 45–46) выгоняли бело-

русы, чехи и поляки. Считалось, что эти колючие растения должны «выпихнуть» червей (ср. чеш. *pcháč* ‘чертополох’), как боярышник — упырей и ведьм (Sobotka 1879: 316; Романов 1891, 5: 135). В различных описаниях упоминаются и другие детали совершаемого ритуального действия. Так, направление, в котором верхушку растения пригибали к земле, зависело от масти скотины (Майков 1994: 76); камень, которым придавливали верхушку растения, запрещалось брать голыми руками (Sobotka 1879: 316). Однако основные действия («заламывание» чертополоха) и структура текста (обещание отпустить при благополучном окончании лечения, угрозы в его адрес при неблагоприятном исходе, нередко — упоминание масти заболевшего животного) повторяются во всех описаниях.

Помимо магических манипуляций с кустом чертополоха и обращения к нему на словах, «для истребления червей в ранах у рогатого скота» употребляли и свежий сок этого растения (Анненков 1876: 84).

Итак, из рассмотренных материалов явствует, что целая группа колючих сорных растений, несмотря на свою практическую непригодность для сельского хозяйства, заняла свое место в народной культуре, в основном в области магии, благодаря, прежде всего, своим внешним признакам — колючкам на стеблях, листьях и плодах. Как эти внешние признаки, так и представления о волшебных свойствах этих растений отразились в их названиях, образованных с помощью очень небольшого числа семантических моделей, хотя на крайне разнообразном лексическом материале. Несмотря на довольно общие сведения об использовании чертополоха для изгнания нечистой силы, можно выделить некоторые цели его применения, нехарактерные для других растений-оберегов: изгнание червей из скотины и окуривание детей от испуга и падучей. Можно выделить и закрепленные за этими целями способы использования растений: пригибание верхушки к земле для изгнания червей и окуривание — от испуга. В некоторых случаях (изгнание червей и избавление от огненного змея) произнесение заговора сопровождается действиями, дублирующими текст.

Кажется очевидным, что основное традиционное представление о чудесных свойствах растений, рассмотренных в статье, вера в их отгонную мощь — вызвано внешним видом этих растений, который отражен в их названиях, а также в легендах о них и в их ритуальном использовании.

Примечания

¹ Здесь и далее: ЕУ–гдов–2000 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Гдовский р-н Псковской обл., 2000 г.; ЕУ–черновиц–99 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Сторожинецкий р-н Черновицкой обл., 1999 г.; ЕУ–черновиц–2000 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Сторожинецкий р-н Черновицкой обл., 2000 г.

Автор выражает благодарность С. А. Штыркову за предоставленные материалы экспедиции ЕУ–гдов–2000.

² На восточнославянском материале примеров применения репейника в качестве привороты найти не удалось. Но в этнографических работах отмечалось, что «растениям липким приписывается свойство привлекать любовь»; в качестве примера приводятся гравилат *Geum urbanum* L. и повилика *Galium aparine* L., чьи семена прилипают к одежде (Анненков 1876: 157, 400; Демич 1889, 2: 47). Ср. также названия *липок*, *липучки* для обозначения колючих шишечек репейника в Костромской обл. (СРНГ 1981, 17: 57, 59).

³ Вообще словом *лопух* в народе называют множество совершенно не родственных растений с крупными листьями (Меркулова 1967: 33).

⁴ Листьями лопуха в окрестностях Кракова лечили любые нарывы, ожоги и т. п. В России его использовали от цинги и для полоскания горла. Против грижи делали из отвара сидячие ванны (Morawski 1884: 22). Плоды репейника, жаренные в масле, служили наружным средством от детской коросты (Чайкановић 1985: 247). Сок листьев лопуха использовали от ран, отвар корня — от чесотки; чертополох — для купания детей «от сухоты», «как потогонное и мочегонное, свежий сок снаружи — при раке»; «от ран — в виде присыпки; от чирьев, от удущья, чахотки» (Орл. губ.), а также как купанье от чесотки (Анненков 1876: 100, 185). В Воронежской губ. отвар лопуха пили «от ломоты» и «для очищения крови» (Тарачков 1861: 238–239).

⁵ Единственное свидетельство другого применения (из Краковского края) — окуривание чертополохом коров после отела (Morawski 1884: 27).

Литература

- Анненков 1876: *Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб., 1876.
- Афанасьев 1868, 1869: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.: 1868. Т. 2.; 1869. Т. 3.
- Бјелетић 1996: *Бјелетић М.* Од девет брата крв (фитоними и термини средства) // Кодови словенских култура. 1996. Бр. 1.
- Болонев 1978: *Болонев Ф. Ф.* Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978.
- Герасимов 1898: *Герасимов М. К.* Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина. 1898. № 2.
- Даль 1880: *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.; М., 1880.
- Даль 1989–1991: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989–1991.
- Даль 1997: *Даль В. И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: В 2 т. СПб., 1997. Т. 2.
- Демич 1889: *Демич В. Ф.* Очерки русской народной медицины: Акушерство и гинекология у народа: В 2 т. СПб., 1889. Т. 2.

- Залесова, Петровская 1901: *Залесова Е. Н., Петровская О. В.* Полный иллюстрированный словарь-травник и цветник, составленный по новейшим ботаническим и медицинским сочинениям врач. Е. Н. Залесовой и О. В. Петровской: В 4 т. СПб., 1901. Т. 4.
- Лукинова 1986: *Лукинова Т. Б.* Лексика славянского язычества // Этимология—1984. М., 1986.
- Ляметри 1862: *Ляметри И. П.* Некоторые черты из крестьянского быта в Мешовском уезде // Экономист. 1862. Кн. 7—8.
- Майков 1994: *Великорусские заклинания*: Сб. Л. Н. Майкова / Отв. ред. А. К. Байбурин. СПб., 1994.
- Маковій 1993: *Маковій Г. П.* Затоптаний цвіт: Народознавчі оповідки. Київ, 1993.
- Меркулова 1967: *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
- Никифоровский 1897: *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.
- Познанский 1995: *Познанский Н.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995.
- Потанин 1899: *Потанин Г.* Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы // Живая старина. 1899. № 1, 2.
- Романов 1891: *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи.
- Сахаров 1885а: *Сахаров И. П.* Сказания русского народа: Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.
- Сахаров 1885б: *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Русское народное чернокнижие: Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб., 1885.
- Сказки... 1970: *Сказки Терского берега Белого моря* / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970. 448 с.
- СРНГ 1979, 1981: Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.; Л., 1979. Вып. 15.; 1981. Вып. 17.
- Тарачков 1861: *Тарачков Н.* Из путевых заметок при ботанических поездках по Воронежской губернии // Воронежская беседа. 1861.
- Терещенко 1848: *Терещенко А. И.* Быт русского народа: В 7 ч. Ч. 5.: Простонародные обряды. СПб., 1848.
- Фасмер 1996: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд., стер. / Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина; Пер. с нем. и дополн. О. Н. Трубачева. СПб.; М., 1996. Т. 1.
- Франко 1898: *Франко І.* Людові вірування на Підгір'ю // Етнографічний збірник. 1898. Т. 5.
- Чайкановић 1985: *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.

- Чубинский 1872, 1877: *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край: В 7 т. СПб. Т. 1: 1872. Вып. 1; 1877. Вып. 2.
- Шпис-Ђулум 1995: *Шпис-Ђулум М.* Фитонимија југозападне Бачке (коровска флора) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1995. 41.
- ЭССЯ 1977: *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. О.Н. Трубочёва. М., 1977. Вып. 4.
- Machek 1971: *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Morawski 1884: *Morawski Z.* Mýt roślinny w Polsce i na Rusi. Tarnów, 1884. Słownik... 1979: *Słownik prasłowiański.* Wrocław, etc., 1979. Т. 3.
- Sobotka 1879: *Sobotka P.* Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských: Příspěvek k slovanské symbolice // *Novočeská bibliothéka.* Praha, 1879. Číslo 22.
- Šimundić 1978: *Šimundić M.* Prilog motivaciji biljnih naziva // *Filologija.* 1978. № 8.